мации; необходимым представляется и подключение к художественной коммуникации комментатора (или же комментария), без которого наше восприятие произведения и даже его анализ, скорее всего, окажется неполным.[3]

Особенно необходимым представляется комментарий к произведениям удаленных от нас эпох, в частности XVIII в. Причем речь идет о комментировании в самом широком смысле слова — не только об объяснении реалий или лингвистическом комментарии, но и о комментарии смысловом, в частности о прояснении художественного смысла текста с учетом позднейшей литературы, которую данный текст в чем-то подготавливал и которая в свою очередь углубляет существующее вокруг него смысловое поле, расширяет, если воспользоваться терминологическим аппаратом рецептивной эстетики, горизонт ожидания. Характеризуя своеобразную «жизнь» «Дон-Кихота» в веках, Л. Е. Пинский писал: «Каждая эпоха не открывает впервые „Дон-Кихота", а раскрывает по-новому значение „донкихотской" ситуации; она не впервые признает, а по-новому осознает величие романа Сервантеса. В этом, как известно, и заключается **жизнь** бессмертных произведений искусства, как отражения действительности. Основой их жизненности, критерием их бессмертия является новая общественная практика, новое человеческое сознание, когда оно открывает свое родство с искусством прежних веков. Тем самым источник этой жизненности заключен и в самом классическом искусстве, когда оно, обнаруживая дотоле не замеченные, но объективно заложенные в нем задатки, способно каждый раз вновь раскрываться в свежем и созвучном жизненном и живительном аспекте».[4] Крайне важной здесь оказывается мысль о том, что новые эпохи не вносят что-то свое в существующий текст, но раскрывают то, что в нем заложено, однако оставалось скрытым, переводят смысловые потенции в кинетическое состояние.

Данное положение можно применить, правда с существенными оговорками, не к одним великим произведениям литературы, чей смысловой ореол сложен и чрезвычайно богат содержательными потенциями (что и делает эти произведения великими), но и к текстам, так сказать, более скромным, иногда стоящим даже на грани литературы и литературного быта. И они в ходе культурной эволюции могут обнаруживать в себе ранее невидимые семантические оттенки.

Разъяснение подобных оттенков, обнаружение того позднейшего контекста, в котором и происходит изменение горизонта ожидания, позволяющее увидеть ранее незаметное, является, думаю, своеобразным комментарием. Ведь оно, в конечном сче-

---

[3] На это мое внимание обратила И. В. Арнольд, которой приношу самую глубокую благодарность.

[4] *Пинский Л. Е.* Реализм эпохи Возрождения. М., 1961. С. 88.